

*В. Д. Гребенкин, Ф. В. Николаи**

ПАМЯТЬ О ВОЙНЕ В АФГАНИСТАНЕ И ПРЕДСТАВЛЕНИЯ ВЕТЕРАНОВ О ВОИНСКОМ ПРОФЕССИОНАЛИЗМЕ

Аннотация: Одним из важнейших вопросов современных исследований памяти представляется вопрос о механизмах соотнесения субъективного опыта отдельных людей и макрополитических нарративов о прошлом. В статье рассматривается одна из самых распространенных среди ветеранов войны в Афганистане 1979–1989 гг. стратегия воспоминаний — описание своего опыта через культурно-политическую оппозицию «своего» и «чужого», в рамках которой ключевую роль получает понятие воинского профессионализма.

Ключевые слова: исследования памяти, война в Афганистане, ветераны, воинский профессионализм, практики коммеморации.

Исследования культурной и коллективной памяти в последние 25–30 лет широко распространились как в западных, так и в российских гуманитарных исследованиях. Одной из ключевых проблем для данного течения представляется вопрос о механизмах соотнесения субъективного опыта отдельных людей и макрополитических нарративов о прошлом. Особенно остро эта проблема касается памяти о военных конфликтах XX в., в том числе и о войне в Афганистане 1979–1989 гг. Ее история еще не скоро будет написана: официальные военные документы лежат в архивах под грифом «секретно». С другой стороны, все меньше остается ветеранов, которые были ее участниками и которые могут поделиться «живыми воспоминаниями» о событиях того времени. Историки только начинают работать с ними. Данная статья основана прежде всего на устных интервью с ветеранами Афганистана. Они по-разному рассказывают о прошлом. Одни — с иронией, другие — как о важном экзистенциальном опыте, третьи пытаются осмыслить социально-культурные границы между «Своим» и «Другим». На стыке двух последних позиций оказывается вопрос о воинском профессионализме.

* *Гребенкин Виталий Дмитриевич*, Нижегородский государственный педагогический университет им. К. Минина, Россия, Нижний Новгород.
E-mail: vitalik.grebenkin@mail.ru.

Николаи Федор Владимирович, Нижегородский государственный педагогический университет им. К. Минина, Россия, Нижний Новгород.
E-mail: fvnik@list.ru

Чаще всего это понятие оказывается для ветеранов довольно многозначным. Многие комбатанты (особенно летчики и связисты) говорят о техническом профессионализме — математических и инженерных знаниях по специальности, которые отличали их службу по сравнению с другими подразделениями. Ветеран войны в Афганистане Евгений (капитан, командир вертолета) вспоминает: «Я оценивал профессионализм с технической стороны, то есть воспринимал себя как специалиста-инженера, от которого зависят жизни людей, а также выполнение важных боевых задач. Знать техническую сторону боевой машины (вертолета) очень важно. В Великую Отечественную такой техники вообще не было. <...> На одной горе у духов было сильное ПВО, их командир вроде бы даже учился когда-то в Союзе. Нам запретили туда летать — там стали часто сбивать наших. А мы, как дураки, чтобы показать свое мастерство, вопреки приказу, туда заходили парами: первый вызывает огонь на себя, второй — отстреливается по огневым точкам» [интервью 29.10.2015].

Десантники и разведчики чаще говорят о значимости физподготовки и «спартанских» привычек, усвоенных в учебках. Александр (рядовой, разведка): «Подготовку в учебке я вспоминаю с благодарностью. То есть сначала было очень тяжело, и мы буквально ненавидели сержантов и командиров. Но потом, в Афганистане, это пригодилось — это была цена жизни» [интервью с 18.11.2015 г.].

Многие ветераны (особенно офицеры, прапорщики и те, кто потом пошел служить в МВД) говорят о значимости командирского профессионализма — умения не только добиться слаженности действий подразделения, но и совмещать устав и приказы вышестоящего начальства с требованиями обстановки. Владимир (старший прапорщик, мотопехота): «Добрыми словами вспоминается мне командир батальона. За 30 лет военной службы очень редко я встречал таких, как наш комбат. Именно такой прирожденный руководитель, организатор и воспитатель, не боялся спорить и идти наперекор вышестоящим командирам, если это касалось боевой операции или кого-то из его подчиненных; очень грамотно руководил боем, всегда старался выполнить боевую задачу с минимальными потерями, в первую очередь людскими. <...> Полк готовился к крупной общевойсковой операции. Нас построили уже непосредственно перед выходом, и с напутственным словом к нам обратился командующий 40-й армией И.Н. Родионов. На всю жизнь мне запомнились его слова: он говорил, что нам не нужны их чертовы трофеи, не нужно рисковать жизнью ради выполнения боевой задачи, а нужно помогать соседям, друзьям и подчиненным, самое главное — это остаться живым» [интервью 29.01.2016].

С другой стороны, часть ветеранов не связывают вопросы взаимопомощи и даже боевого взаимодействия именно с профессионализмом. Леонид (сержант, ДШГ погранвойск): «Я не думаю, что это именно профессионализм. Мы скорее просто по-человечески друг друга поддерживали. Прибыли ребята из учебки — им же нельзя сразу в бой. Или когда ответственное задание какое-то, вперед идут те, у кого опыта больше. И это не приказ, это мы сами решали. И офицеров, которые все еще о белых воротничках думают, сами учили» [интервью 17.02.2016].

Ведущий отечественный специалист по военно-исторической антропологии Е.С. Сенявская приводит в своих работах много примеров солидарности, когда боевой дух подразделения и его статус (именно этого конкретного полка или роты) поддерживался через противопоставление другим (соседним) частям: «Среди родов самих наземных войск, пожалуй, в значительно большей степени присутствовал дух соперничества, соревновательности, чем между разными видами вооруженных сил. <...> Со временем этот профессиональный ‘сепаратизм’ если и не исчезает полностью, то смягчается и принимает достаточно невинные формы, например, создание собственных традиций, специфических ритуалов и т.п. <...> Такой ‘особый дух’ играл, несомненно, позитивную роль, являясь мощным фактором сплоченности и боеспособности своего подразделения» [3, с. 116–117]. Здесь уже речь идет уже не о субъективном опыте и не об общем воинском профессионализме, но о значимости конкретного боевого коллектива, — «общества выживания».

Таким образом, на наш взгляд, дискурс военного профессионализма часто объединяет как минимум три различных мотива, которые мы (вслед за ветеранами) разграничиваем достаточно условно:

- экстернализацию субъективного (экзистенциального) опыта выживания;
- значимость коллектива (роты/полка) и верность его прагматическим интересам в военных условиях (доведенную до абсолюта в понятии «фронтového братства»);
- а также более общие (технические и управленческие) войсковые навыки.

Первый из них ветеранам гораздо труднее артикулировать, поэтому они охотнее используют более привычные и легитимные в военной среде формулировки. Поэтому в целом преобладает тенденция к «экстернализации» описания своего опыта — привязки его к неким одобряемым коллективом ритуалам и навыкам.

Однако, с другой стороны, дискурс военного профессионализма предполагает интернализацию внешних норм и практик. Это «привычки» и автоматические реакции, которые оказываются востребованными в последующей службе (особенно при участии в других военных конфликтах). Владимир (старший прапорщик): «Афганистан научил меня, прежде всего, постоянной бдительности, предельной осторожности, никогда не делать лишних движений, которые могут привести к гибели потому, что душманы минировали абсолютно всё, — мины были практически на каждом шагу. Именно эти навыки помогли мне во время службы на Северном Кавказе» [интервью 29.01.2016].

Разумеется, проблема преемственности военных практик и тактических отличий войны в Афганистане и двух Чеченских кампаний требует отдельного разговора [напр., см. 2]. В рамках данной небольшой статьи нам хотелось лишь проследить некоторые различия в артикуляции ветеранами своего опыта и представлений о воинском профессионализме. Они предполагают двустороннюю связь: субъективный опыт символически кодируется через профессиональный язык группы; а определенная модель поведения воплощается в повседневную жизнь.

На этом перекрестке воспоминания ветеранов, несмотря на явное родство и ярко выраженную общность («боевое братство»), получают разные формы выражения. То же самое касается и многих других культурных практик коммеморации. Выбор нарративных стратегий, примеров и образов оказывается достаточно ситуативен и пластичен, — он не предписывается напрямую некими политическими институтами [1] и не всегда напрямую отсылают к экзистенциальному опыту [3]. Гораздо чаще фрагментарные воспоминания комбатантов выстраиваются вокруг уже существующих моделей и «следов» — альбомов фотографий, фильмов, сайтов, ветеранских сообществ, — модифицируя их и выстраивая локальные различия «своего» и «другого».

Литература

1. *Зверева Г. И.* «Работа для мужчин»? Чеченская война в массовом кино России // *Неприкосновенный запас.* — 2002. — № 6. — С. 102–109.
2. *Киселев В. П.* Разведбат. — М.: Эксмо, 2008. — 512 с.
3. *Сенявская Е. С.* Психология войны в XX веке. Исторический опыт России. — М.: РОССПЭН, 1999. — 348 с.

Grebenkin Vitali, Nikolai Fedor,
Minin University, Russian Federation, Nizhny Novgorod

THE MEMORY OF THE WAR IN AFGHANISTAN AND INTRODUCTIONS OF VETERANS OF MILITARY PROFESSIONALISM

Abstract: One of the most important issues of contemporary memory studies seems to be the issue of mechanisms for relating the subjective experience and the macro-political narratives about the past. The article is devoted to the most common among veterans of the Afghanistan War strategy of commemoration – summary of their experience through cultural and political opposition of «ours» and «alien», in which a key role gets the concept of military professionalism.

Keywords: memory studies, Afghanistan War, veterans, military professionalism, practices of commemoration.

Н. И. Журавлева*

ИСТОРИЯ КАК МИФ: КОНСТРУИРОВАНИЕ КУЛЬТУРНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ

Аннотация: Осмысление отечественной истории – необходимый элемент в конструировании культурной идентичности. История, понимаемая как направленный процесс – мифическое переживание, консолидирующее нацию и необходимое для легитимизации власти.

Ключевые слова: миф; история; культурная идентичность; культурная память.

История является одним из наиболее действенных средств формирования культурной идентичности. Историческое прошлое определяет отношение к настоящему, а настоящее задает восприятие прошлого и потому, преподносимая как объективный процесс, история с неизбежностью будет переосмысляться и переписываться. Но для того чтобы историческое знание обрело идеологическую силу, история должна стать мифом. Рассуждая о мифах истории, нужно помнить, что миф не есть недостоверное знание, хотя, разумеется, оно может быть и недостоверным. Специфика мифа проявляется не в непосредственном

* ***Журавлева Надежда Ивановна***, Уральский федеральный университет, Россия, Екатеринбург.

E-mail: nadic1@mail.ru